

УДК 94(470) "1939"

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-20-34

ИВАНОВ Александр Гаврилович,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
ivanov@kubsu.ru

IVANOV Alexander G.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
ivanov@kubsu.ru

В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ. СССР И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ В КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

IN SEARCH OF ALLIES. THE USSR AND THE WESTERN POWERS ON THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR

В статье анализируются проблемы, связанные с кануном Второй мировой войны: европейский кризис 1939 г., англо-французские гарантии странам Восточной Европы, переговоры между СССР, Великобританией, Францией и советско-германский пакт о ненападении. В условиях острейшего кризиса вопрос всеобщей безопасности приобрел ключевое значение. Остановить агрессора и предотвратить глобальную катастрофу можно было только коллективными усилиями великих держав и их союзников. Великобритания и Франция предоставили гарантии независимости ряду стран Восточной Европы, но они не могли компенсировать отсутствие большого антигерманского союза. СССР добивался создания системы коллективной безопасности, но его возможности были ограниченными. К тому же Великобритания и Франция не отказались полностью от идеи умиротворения Германии посредством уступок ей за счет Польши, что фактически исключало их активное участие в антигерманской коалиции. Нежелание западных держав тесно сотрудничать с СССР проявилось и в ходе англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 г. В результате СССР, не имея иной альтернативы, пошел на подписание пакта о ненападении с Германией.

The article analyses the problems which emerged on the eve of the Second World War: the European crisis of 1939, Anglo-French guarantees to countries of Eastern Europe, talks between the USSR, Great Britain and France and the Soviet-German non-aggression Pact. In conditions of the acutest crisis a question of general security acquired a key meaning. To stop the aggressor and to prevent global catastrophe was only possible by collective efforts of the great powers and their allies. Great Britain and France guaranteed independence of several countries of Eastern Europe, but they could not compensate the absence of a grand anti-German alliance. The USSR was striving to erect a system of collective security, but its possibilities were limited. More than that Great Britain and France did not refuse the idea of appeasing Germany at the expense of Poland, and this actually excluded their participation in anti-German coalition. The unwillingness of the Western powers to cooperate with the USSR closely showed itself at the Anglo-French-Soviet talks in spring and summer 1939. As a result of this the USSR, having no alternative, agreed to sign the non-aggression Pact with Germany.

Ключевые слова: безопасность, политика умиротворения, агрессия, переговоры, западные державы, СССР, европейский кризис.

Keywords: security, policy of appeasement, aggression, talks, Western powers, USSR, European crisis

15 марта 1939 г. Германия аннексировала Чехию, а за день до этого превратила Словакию в марионеточное фашистское государство. Эта акция Гитлера вызвала глубокий политический кризис в Европе, который, развиваясь по нарастающей, привел к нападению Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. и началу Второй мировой войны.

В исторической литературе имеются разные, подчас диаметрально противоположные, оценки политики правительств европейских держав в условиях кризиса 1939 г. Отечественные историки, как правило, негативно оценивают деятельность кабинетов Н. Чемберлена и Э. Даладье, тогда как западные авторы чаще всего обвиняют Сталина в том, что он не проявил заинтересованности в тесном сотрудничестве с Великобританией и Францией и поэтому подписал пакт о ненападении с Гитлером. Историки по-разному оценивают также англо-французские гарантии странам Восточной Европы и поведение стран-лимитрофов на переговорах Великобритании и Франции с СССР в 1939 г. Эти и другие дискуссионные вопросы нуждаются в тщательном анализе с опорой прежде всего на архивные документы. В настоящей статье автор использует документы Государственного архива Великобритании и Архива внешней политики Российской Федерации, которые позволяют существенно дополнить панораму событий весны и лета 1939 г., расширить представления читателей о сложной дипломатической борьбе в канун Второй мировой войны.

Ликвидация Чехословакии позволила Германии значительно укрепить свой военно-экономический потенциал и стратегические возможности. По подсчетам военного министерства Великобритании, нацисты захватили оружие и снаряжение в Чехословакии, достаточное для оснащения 38 пехотных и восьми мобильных дивизий [1, р. 228]. Зловещая тень нацистской свастики нависла прежде всего над Восточной и Юго-Восточной Европой, но в перспективе германская угроза становилась реальной для многих европейских стран. Сильнейший удар был нанесен по позициям Великобритании, Франции и их союзников. Малая Антанта перестала существовать, обесценились французские союзы с восточноевропейскими странами. Наконец, для многих было очевидно, что политика умиротворения потерпела полный крах и требуются энергичные усилия правительств миролюбивых государств, прежде всего великих держав, по созданию антигерманского союза с целью недопущения новой мировой войны.

Но политика умиротворения все же наложила глубокий отпечаток на поведение правящих элит Великобритании и Франции, которым чужды были решительные меры по поддержанию мира. С другой стороны, в условиях острейшего кризиса, вызванного нацистской агрессией, не было и речи о каком-либо соглашении с Гитлером, хотя о полном демонтаже политики умиротворения говорить не приходится. «Эра Мюнхена» миновала безвозвратно, Гитлер перешел Рубикон, когда покончил с Чехословакией, и уже вскоре германское правительство предъявило ультиматум Польше в отношении Данцига и данцигского коридора.

С середины марта 1939 г. в Лондон стала поступать секретная информация о скором нападении Германии на Польшу и Румынию. Подчинение этих стран диктату Гитлера привело бы к господству Третьего рейха на Европейском континенте и низвело бы Англию и Францию до положения второразрядных государств. К тому же не исключалась вероятность продвижения Германии на Запад с целью захвата Голландии и ликвидации Франции. Черед Великобритании, как сообщил английский посол в Париже Э. Фиппс со ссылкой на хорошо информированный источник, должен был наступить в 1940 г., а США – в 1941 г. [2, р. 24, 54].

18 марта на заседании английского кабинета обсуждалось положение на востоке Европы. Министр иностранных дел лорд Галифакс с сожалением отметил: «Если Германия нападет на Румынию, Англии будет крайне трудно остаться в стороне – придется принять участие в сопротивлении агрессии». Он подчеркнул (со ссылкой на начальников штабов), что помощь Румынии можно оказать лишь с подключением России, Польши и Франции. «В том случае, если Польша и Россия откажутся (от оказания помощи Румынии. – А.И.), Англия должна заручиться поддержкой Турции и Греции». С точки зрения Галифакса, существенное значение будет иметь позиция Италии. Чемберлен, в свою очередь, отметил: «Всего лишь неделю назад наша политика сводилась к улучшению отношений с диктаторами, но после захвата Чехословакии я убежден в том, что позиция Гитлера делает невозможным продолжение переговоров с нацистским режимом на прежней основе. Однако это не означает, что невозможны также переговоры с немецким народом» [3, с. 44]. Так постепенно в правительственных кругах Великобритании (а также Франции) вызревала идея о предоставлении гарантий Польше, Румынии, Греции и Турции. Но это не исключало вероятности мирного урегулирования спорных проблем с диктаторами – Гитлером и Муссолини, что подтверждают документы Государственного архива Великобритании. 30 марта 1939 г. на заседании внешнеполитического комитета английского правительства (узкий состав кабинета во главе с премьер-министром), где было принято решение о предоставлении гарантии Польше (она получила ее на следующий день), высказывалась мысль о необходимости проинформировать об этом Гитлера. Члены комитета также считали возможным поставить в известность о гарантии Муссолини в расчете на его посреднические усилия в урегулировании германо-польских отношений [2, р. 259-260].

В историографии присутствуют разные, подчас диаметрально противоположные, оценки англо-французских гарантий. Большинство западных авторов склоняется к тому, что гарантии были своеобразной «дипломатической революцией», означавшей поворот в политике западных держав от умиротворения агрессоров к противоборству с ними [4, р. 27, 87, 158; 88, 261]. Однако при внимательном рассмотрении и сопоставлении с документами такая оценка представляется преувеличенной, хотя и не стоит отрицать того, что это был новый фактор в британской внешней политике. Английская (как и французская) декларация предусматривала поддержание независимости Польши, но не гарантии ее границ. Это давало возможность правительству Великобритании при необходимости ставить вопрос о ревизии польских границ в пользу Германии. Не случайно на заседании кабинета 19 марта Чемберлен высказался против «гарантии существующих границ и неопределенного поддержания статус-кво» и отклонил предложение министра по делам доминионов Т. Инскипа о проведении штабных переговоров с Польшей и СССР [3, с. 54].

О подлинном значении гарантий Польше и Румынии (последняя получила гарантию 13 апреля) свидетельствует меморандум английских начальников штабов от 3 апреля 1939 г. В нем содержался детальный анализ соотношения сил противостоявших сторон. Сухопутная армия Германии оценивалась в 105–110 дивизий, из которых 77–80 признавались пригодными для проведения операций на фронте (эти данные оказались преувеличенными). Франция могла выставить в течение месяца с начала войны 86 дивизий, не считая десяти в Северной Африке и четырех, полученных в ходе мобилизации, а Великобритания – отправить в Европу в течение трех месяцев две дивизии.

Вооруженные силы Польши оценивались в 48 пехотных дивизий и 20 кавалерийских бригад, а Румынии – в 22 пехотные, три кавалерийские дивизии и три горные бригады. Начальники штабов отметили, что «польская армия хорошо оснащена современным оружием, но у нее слабая артиллерия, а средства ПВО не отвечают современным требованиям». И далее: «Эффективность польской армии не такая высокая, как германской, но поляки будут стойко сражаться

за свою территорию». Гораздо менее оптимистичной была оценка боеспособности румынской армии – «у Румынии всего 2 военных завода, и она не в состоянии обеспечить свою армию вооружением».

Выводы, к которым пришли начальники штабов, звучали крайне тревожно: «Если Германия предпримет основное наступление на Восток, мало сомнений в том, что она сможет оккупировать Румынию, польскую Силезию и "польский коридор". Если она продолжит наступление в Польше, потребуется лишь некоторое время для уничтожения Польши ... Ни Англия, ни Франция не в состоянии оказать прямую помощь Польше или Румынии на море, на суше или в воздухе для противодействия германскому вторжению. Более того, учитывая состояние английских и французских вооружений, ни Англия, ни Франция не могут обеспечить вооружениями Польшу или Румынию. Это подчеркивает важность получения помощи от СССР» [5, р. 174].

Английский исследователь Р. Эванс скептически относится к концепции «дипломатической революции»: «Эта гарантия (английская гарантия Польше. – А.И.) должна была отпугнуть немцев. Однако она оказалась ограничена различными секретными условиями, которые позволяли продолжать политику умиротворения. Британское правительство заявило, что эта гарантия будет иметь силу, только если поляки не станут демонстрировать "провокационное или глупое упрямство" в ответ на требования немцев о возвращении Данцига и польского коридора. Таким образом, Чемберлен все еще продолжал думать об урегулировании путем переговоров, которое бы оставило Польшу в таком же уязвимом положении, как Мюнхенское соглашение оставило Чехословакию... Чемберлен все еще продолжал надеяться на мир, сменив свою позицию с прямого умиротворения на комбинацию умиротворения и сдерживания» [6, с. 746].

Что касается сдерживания, то оно не ограничилось англо-французскими гарантиями. Правительства западных держав приняли и другие меры с тем, чтобы продемонстрировать Гитлеру свою «решимость» положить конец экспансии нацизма, а заодно успокоить общественность: были возобновлены англо-французские штабные переговоры (хотя они велись вяло и безынициативно с обеих сторон), в апреле впервые в истории Англии мирного времени была введена обязательная воинская повинность (правда, первый контингент был призван в армию лишь в августе 1939 г.).

Но Гитлера невозможно было остановить декларациями по типу англо-французских гарантий или паллиативными решениями. Положить конец нацистской агрессии и тем самым спасти человечество от катастрофы можно было лишь посредством образования большого антигерманского союза с участием в нем Великобритании, Франции и СССР, то есть созданием для Германии реальной угрозы войны на два фронта. Но такой союз не был создан в силу разных причин, в том числе непреодолимого характера.

Одной из них были антикоммунистические настроения правящих элит Великобритании и Франции, их скепсис относительно возможностей и перспектив сотрудничества с СССР. Об отношении Чемберлена и членов его правительства к сотрудничеству с СССР можно судить по протоколу заседания кабинета от 27 марта 1939 г. Премьер-министр заявил: «Наши попытки создать фронт против германской агрессии будут скорее всего обречены в случае привлечения к нему России». Он мотивировал это тем, что значительное число потенциальных союзников Великобритании настроено против участия СССР в антигерманском блоке; его образование укрепит Антикоминтерновский пакт, затруднит действия британской дипломатии по нормализации отношений с Италией и Японией и возбудит недовольство Испании, Португалии и ряда государств Латинской Америки.

Но отказ от ассоциации с Россией вызовет подозрения в лагере левых как в Англии, так и во Франции, хотя, с другой стороны, упор на такую ассоциацию «сведет на нет возможность образования мощного объединенного фронта против германской агрессии. В этих условиях мне представляется, что должен быть найден какой-то альтернативный курс». Чемберлен предложил выяснить готовность Польши и Румынии к взаимному военному сотрудничеству и, если такая готовность будет продемонстрирована, подкрепить ее обещанием помощи со стороны Великобритании и Франции. Он откровенно заявил, что «этот план исключает Россию. Мы должны объяснить ей (России. – А.И.), что возражения на этот счет исходят не от нас, а от других, и предложить заключить секретное соглашение между Россией и Англией, по которому Россия... пришла бы на помощь Польше или Румынии в случае вовлечения этих стран в войну с Германией. Франко-советский пакт (о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. – А.И.) можно было бы использовать для реализации этой схемы». Лорд Галифакс поддержал премьер-министра: «Польша является более ценной величиной», чем Россия. Он отметил, что французское правительство не проявляет особой заинтересованности в сотрудничестве с СССР, но придает большое значение участию Польши в антигерманском блоке. В таком же духе высказался и министр по координации обороны лорд Чэтфилд: «С военной точки зрения Польша, вероятно, наилучший из потенциальных восточных союзников, а Россия может стать более серьезным сдерживающим фактором для Германии». Интересным представляется также замечание Галифакса, что «лей-

бористскую партию можно убедить в том, что исключение России (из антигерманского фронта. – А.И.) – это не наша вина» [2, р. 237].

Осторожную позицию в данном вопросе занял министр внутренних дел С. Хор. «Исключение России, – заявил он, – будет расценено в кругах общественности как существенная неудача нашей политики». И далее: «Россия – непобедима, как показывает опыт, и она – хороший сдерживающий фактор» (для Германии. – А.И.). Хор предложил параллельно с сотрудничеством с Польшей установить контакты с СССР. Лорд Галифакс не отверг этого, но подчеркнул необходимость модифицировать франко-советский пакт о взаимопомощи, то есть вычленив из него «некоторые стеснительные статьи». Кабинет одобрил линию Чемберлена – Галифакса на углубление сотрудничества с Польшей и Румынией и выработку вариантов по привлечению СССР для поддержки этих стран в случае германской агрессии [2, р. 237-238]. 29 марта на заседании кабинета Галифакс подчеркнул, что желательно «получить от России как можно больше помощи. Главное – провести это, не потеряв поддержки Польши» [2, р. 251]. Таким образом, английское правительство делало предпочтительную ставку на Польшу и рассматривало СССР как поставщика военных материалов для стран Восточной Европы, оказавшихся под прицелом нацистов.

В этой связи определенный интерес представляет оценка Красной Армии английским военным атташе в Берлине полковником Р. Файербрейсом (именно на нее сослался лорд Галифакс на заседании кабинета 27 марта). В меморандуме от 6 марта он записал, что СССР может мобилизовать в течение трех месяцев и выставить на свой западный фронт 100 пехотных (стрелковых) и 30 кавалерийских дивизий; на вооружении у него находятся 9 000 танков и 4 000 – 5 000 самолетов (из них в западной части страны 3 300). Полковник отметил отрицательные последствия для Красной Армии репрессий среди ее командного состава, но все же признал, что армия «будет представлять серьезное препятствие для нападающей стороны. В наступательной войне она, возможно, сможет продвигаться на территорию Польши». Гораздо менее оптимистичной была оценка советских ВВС, которые «способны проводить лишь незначительные наступательные операции против Германии, если не будет обеспечена координация усилий с Польшей» [7, р. 194-197].

В свете данного документа (а его основные положения разделялись начальниками штабов британских вооруженных сил) становится понятным скепсис руководителей Англии относительно оборонного потенциала СССР, подкрепленный к тому же политическими и идеологическими разногласиями между двумя странами.

Менее понятна завышенная оценка англичанами вооруженных сил Польши – 50 достаточно боеспособных дивизий [2, р. 238]. Видимо, здесь сказался чрезмерный оптимизм польского министра иностранных дел Ю. Бека, который переоценивал армию Польши и недооценил реальность военной угрозы со стороны Германии. В Варшаве слишком понадеялись на германо-польскую декларацию о неприменении силы 1934 г. К тому же (и этот фактор являлся решающим) армия Польши по технической оснащенности заметно уступала вермахту. Ее модернизация проведена не была. Пехота составляла 57%, а авиация и танковые войска соответственно 2,5% и 2,3% [8, с. 14]. В этих условиях исключительное значение для Польши приобретал вопрос о надежных и сильных союзниках, способных прийти к ней на помощь в случае необходимости.

Но Польша (как и Румыния) не собиралась сотрудничать с СССР, и это нежелание учитывали в Лондоне и Париже. Обструкционизм Варшавы и Бухареста повлиял негативно на ход и исход англо-франко-советских переговоров, которые, с точки зрения некоторых историков, явились последним шансом спасти мир.

17 апреля 1939 г. советское правительство предложило Англии и Франции проект соглашения: заключение между тремя державами пакта о взаимопомощи сроком на 5–10 лет; оказание ими помощи, включая и военную, странам Восточной Европы, граничащим с СССР, в случае агрессии против них; установление в кратчайшие сроки размеров и форм военной помощи; отказ от заключения сепаратного мира с агрессором. Советское правительство настаивало на том, чтобы политическое соглашение было подписано одновременно с военной конвенцией [9, с. 386-387]. При этом условии можно было обеспечить достаточно быструю и эффективную поддержку странам, подвергшимся агрессии.

Однако западные державы не приняли предложений СССР. 19 апреля постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган представил кабинету согласованные с лордом Галифаксом замечания по советскому проекту. Проект, на взгляд Кадогана, был «крайне неудобным» с военной и политической точек зрения: «Выгода от получения бумажного обязательства России примкнуть к нам в случае войны не компенсирует неудобства открытой ассоциации с Россией». Он невысоко оценил оборонный потенциал СССР, «чья армия подорвана чистками, а военно-воздушные силы, хотя и внушительные по количеству само-

летов, не отвечают современным требованиям». Кадоган был настроен скептически и в отношении поставок советских военных материалов Польше и Румынии из-за «неэффективности транспортной системы» СССР. Британский дипломат выразил неудовольствие тем обстоятельством, что предложенное соглашение предусматривало оказание помощи Прибалтийским государствам. Он повторил аргументы, выдвигавшиеся ранее Чемберленом: союз с СССР подтолкнет страны фашистского блока к разжиганию военной опасности, вызовет недовольство Польши и Румынии и подорвет влияние Великобритании в Испании, Португалии и Югославии. В то же время не исключалась опасность, что СССР, столкнувшись с нежеланием западных держав заключать с ним соглашение, может повернуть к Германии и нормализовать отношения с ней, да и оппозиция в Англии использовала бы отказ правительства от советских предложений для новых нападков на его политику. И все же Кадоган склонился к отказу, поскольку соглашение «оттолкнет от нас наших друзей и усилит пропаганду наших врагов без достаточной компенсации каким-либо реальным материальным вкладом в укрепление фронта» против Германии [5, р. 88-91].

По такой же примерно схеме прошло обсуждение данного вопроса и на заседании внешнеполитического комитета правительства 19 апреля. Были подвергнуты анализу плюсы и минусы соглашения с СССР. Последних оказалось больше, несмотря на то, что «союз с Россией может затруднить действия германского флота в Балтийском море», а на Дальнем Востоке, «возможно, окажет сдерживающее влияние на Японию и предотвратит ее вступление в войну против нас». Чемберлен отметил: для обеспечения Польши и Румынии советским снаряжением не обязательно заключать военный союз между Великобританией, Францией и СССР, и подчеркнул, что главное для правительства – заручиться поддержкой Польши. Как констатировал лорд Чэтфилд, общее мнение членов комитета свелось к следующему: «Политические соображения против военного союза Англии, Франции и СССР настолько существенны, что перевешивают любые военные выгоды». В протоколе заседания указано – члены комитета «не расположены принимать советские предложения». Было решено предупредить французское правительство, чтобы оно не давало ответа на эти предложения, не согласовав его с Лондоном, а также поручить начальникам штабов представить развернутую характеристику оборонного потенциала СССР [3, с. 71-72].

В телеграмме послу Э. Фиппсу в Париж от 21 апреля Форин-офис прокомментировал ситуацию: «Суть нашей критики советских предложений сводится к тому, что при всей их логике слишком мало внимания уделяется их практической реализации, да и она потребует большого времени для ведения переговоров». И далее: «В нашем представлении ключевые позиции занимают Польша и Турция. С Турцией все в порядке, так как она заинтересована в любой помощи СССР. С Польшей же все обстоит иначе. Польское правительство опасается, что сближение с СССР спровоцирует Германию». В телеграмме также отмечалось, что английское правительство заинтересовано в сотрудничестве с Россией, ибо помощь СССР малым странам может оказаться очень ценной в условиях войны. Главная трудность заключается в том, что правительства этих стран не желают связывать себя договорами о взаимопомощи с Советским Союзом [3, с. 72].

Французское правительство дало ответ англичанам 25 апреля. Оно выразило согласие с позицией Форин-офис и позитивно оценило позицию Польши. Правительство Даладье предложило заключить тройственное соглашение между Англией, Францией и СССР, но на определенных условиях. Во-первых, если Англия и Франция окажутся в состоянии войны с Германией из-за своих восточноевропейских союзников, Россия придет к ним на помощь. Во-вторых, если при оказании такой помощи Россия окажется в состоянии войны с Германией, Англия и Франция помогут России. Но эти предложения были отвергнуты английским кабинетом на заседании 26 апреля на том основании, что предложенная схема, и прежде всего пакт о взаимопомощи между Англией, Францией и Россией, вызовет крайне отрицательную реакцию правительства Польши [10, р. 252-253]. Было ясно, что правительство Чемберлена предпочитает сотрудничать с Польшей, нежели с СССР.

Это подтверждает и доклад заместителей начальников штабов английских вооруженных сил «Военное значение России» от 24 апреля 1939 г. В нем отмечалась «низкая наступательная ценность» Красной Армии из-за репрессий среди ее командного состава и «жесткой системы контроля со стороны комиссаров». Признав, что в начале войны СССР может выставить на свой западный фронт 100 пехотных (стрелковых) и 30 кавалерийских дивизий, авторы (С. Ньюэлл, Дж. Горт, А. Каннингхэм) утверждали, будто экономика страны не в состоянии обеспечить военными материалами более 30 дивизий.

Достаточно высоко оценивались возможности советского флота: на Балтике он «может оказаться полезным» и затруднит поставки шведской руды в Германию, а на Черном море утвердит свое превосходство.

Что касается военно-воздушных сил, то авторы доклада и здесь проявили сдержанность, констатируя ограниченную дальность полета истребителей и бомбардировщиков. С учетом негативной оценки советской авиационной промышленности (плохая организация, перебои с поставками сырья) логичным, но все же далеко не бесспорным выглядел тезис об авиации, которая «будет представлять ограниченную угрозу (для Германии. – А.И.), действуя с территории Польши, Румынии и Турции». В целом британские военные руководители были настроены скептически в отношении сотрудничества с СССР, тем более что некоторые страны из-за «глубокой враждебности к коммунизму» могут не дать согласия на проход советских войск через их территорию, а это «сведет на нет значение такого сотрудничества» [11, р. 255-256, 259-260; с. 242].

Сообщая 25 апреля членам внешнеполитического комитета о выводах авторов доклада, лорд Чэтфилд высказался следующим образом: «Хотя Россия в другом плане и является великой державой, в военном отношении она страна среднего ранга». Министр колоний М. Макдональд осторожно заметил, что все же важно сохранить СССР в качестве дружественного государства и не допустить сползания его к Германии. Чемберлен занял твердую позицию: «Наша задача в настоящее время сводится к тому, чтобы создать барьер из тех стран, которым угрожает агрессия. До тех пор, пока мы не сделаем этого, нам не следует подрывать доверие этих стран» [11, р. 244-246]. Поскольку фашистская агрессия угрожала в первую очередь Польше и Румынии, Англия добивалась сотрудничества именно с ними.

На заседании кабинета 26 апреля лорд Галифакс еще раз отметил важность положений доклада заместителей начальников штабов и подчеркнул, что «ценность русской армии и России как союзника совсем не такая, как ее изображают лейбористы». И далее: «Конечно, нам нужно либо нейтрализовать Россию, либо иметь ее на своей стороне. В то же время следует помнить и иметь в виду отношение Польши к России». Вывод, к которому пришли члены правительства, звучал следующим образом: «Мы не должны отказываться от возможности получения помощи России в случае войны. Мы не должны подрывать общий фронт с Польшей и ставить под угрозу дело мира» [10, р. 254]. Таким образом, сотрудничество с СССР не являлось приоритетным с точки зрения британских интересов. Это, пожалуй, главная причина неудачного хода и исхода тройственных переговоров.

Между тем Германия все более открыто демонстрировала свою агрессивность. 28 апреля она расторгла польско-германскую декларацию о неприменении силы 1934 г. и морское соглашение с Англией (по этому соглашению, подписанному в 1935 г., Германия получила право иметь флот тоннажем 35% от британского флота). Для многих в Европе становилось очевидным, что Гитлер может развязать вооруженный конфликт в любой момент.

Действительно, в те дни в Лондон поступала крайне тревожная информация. Так, английский посол в Германии Н. Гендерсон сообщил в Форин-офис 5 мая о беседе польского военного атташе с адъютантом Геринга генералом Боденшатцем. Тот заявил, что война в Европе в 1939 г. неизбежна и что он уверен в том, что Англия и Франция не окажут никакой помощи Польше в ее противостоянии Германии. Боденшатц также отметил, что ожидает «важных результатов от контактов, которые установили немцы и итальянцы с правительством СССР» [12, р. 100]. Интересен комментарий к этому донесению одного из руководителей Форин-офиса А. Киркпатрика (в прошлом первого секретаря английского посольства в Берлине): «Если Боденшатц прав, Гитлер полон решимости развязать войну, и ему осталось лишь выждать подходящий момент. Мы не в состоянии предотвратить войну, кроме как принять необходимые меры, чтобы заставить Гитлера отказаться от своих намерений. Боденшатц не считает, что мы будем стоять в стороне, но согласно многим сообщениям, Риббентроп (рейхсминистр иностранных дел. – А.И.) придерживается противоположного мнения... Я не вижу иных возможностей для предотвращения войны, кроме как капитуляция» [12, р. 98].

Между тем общественность на Западе все более настойчиво требовала образования большого антигерманского союза с участием в нем великих держав. Вызывающие действия Гитлера породили возмущение широких слоев населения в Англии и во Франции. Так, опрос британского общественного мнения показал, что более 80% опрошенных высказались за скорейший союз с СССР.

Однако правительство не было настроено в пользу такого союза. 3 мая на заседании кабинета лорд Галифакс подчеркнул, что его образование сделает войну неизбежной. Кроме того, Япония, которая только что отклонила предложение Германии об укреплении Антикоминтерновского пакта военным союзом, может передумать и изменить свое решение. Галифакса поддержал министр по делам доминионов Т. Инскип, отметивший негативное отношение правительств Канады и Южно-Африканского Союза к идее открытой ассоциации с Россией.

В то же время лорд Галифакс и другие члены правительства опасались поворота Сталина в сторону Германии, а неудачный ход и исход тройственных переговоров мог его спровоци-

ровать. Поэтому кабинет согласился с предложением Макдональда «продолжать переговоры в течение какого-то времени» [13, р. 122-123].

Опасения западных политиков и дипломатов вскоре подтвердились. 3 мая 1939 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов был смещен со своего поста и заменен В.М. Молотовым. Вслед за этим на НКВД обрушилась волна арестов, многие соратники теперь уже бывшего наркома подверглись репрессиям. В секретной телеграмме Сталина советским полпредам отставка Литвинова объяснялась так: «Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела» [14, с. 327].

Понятно, что за этими фразами скрывался конфликт гораздо более глубокий – Сталин не был удовлетворен прозападной ориентацией Литвинова и не усматривал каких-либо ясных перспектив на переговорах с Англией и Францией. Новый нарком Молотов, один из ближайших соратников Сталина, должен был внести свежую струю в советскую внешнюю политику, а это означало, в частности, отказ от идеи коллективной безопасности и сближение СССР с Германией. В.М. Бережков, бывший долгие годы переводчиком Сталина, считает, что «именно тогда Сталин ... задумался над тем, нельзя ли полюбовно договориться с фюрером» [15, с. 21].

На Западе смена наркома была воспринята с большой настороженностью. Так, в Лондоне оценили возникшую ситуацию как «мрачную». Сотрудники Форин-офис не исключали поворота в советской внешней политике к изоляционизму или же к сближению с Германией. Кстати, Молотову была дана нелестная характеристика человека «грубого и невежественного». Предполагалась замена его со временем заместителем наркома В.П. Потемкиным (что было бы для англичан предпочтительным с учетом его опыта работы полпредом во Франции) или А.А. Ждановым («наиболее неприемлемый кандидат со всех точек зрения») [16, р. 14].

Отставка Литвинова означала удар по политике коллективной безопасности. Сталин давно уже разочаровался в ней и выжидал лишь благоприятный момент для корректировки внешнеполитического курса. Умиротворяющие жесты со стороны немцев (изменение тона нацистской прессы по отношению к СССР, возобновление торговых переговоров) были восприняты им как многообещающий знак и приглашение к диалогу. Таким образом, смена наркома может рассматриваться и как предупреждение Западу, не желавшему идти на уступки на переговорах с СССР, и в качестве своеобразного сигнала для Гитлера. В этой связи интересную информацию к размышлению предоставляют архивные документы. Так, 4 мая 1939 г. английский посол в Италии П. Лорейн сообщил в Лондон со ссылкой на надежный источник, что «Сталин отправил в отставку Литвинова, чтобы обеспечить соглашение с Германией, которое позволит ей напасть на Польшу и вернуть себе данцигский коридор» [16, р. 4]. В ответной телеграмме Лорейну сотрудники Форин-офис отметили: «Не является очевидным то, что Сталин задумал соглашение с Германией, возможно, он предпочитает занять позицию нейтралитета (что на самом деле выгодно для Германии), предпочитая нейтралитет союзу с западными державами в том случае, если они не согласятся гарантировать Советский Союз против нападения Германии» [16, р. 5]. В те дни в Лондон поступали и более конкретные донесения о закулисных маневрах немцев и русских. Например, 6 мая из английского посольства в Ватикане пришло сообщение, что «Италия выступает в качестве посредника на переговорах между Германией и Россией» и соглашение между ними «уже достигнуто и вскоре будет опубликовано» [12, р. 107]. 8 мая английский посол в Германии Н. Гендерсон в донесении из Берлина подтвердил эти сведения, уточнив, что речь идет о советско-германском пакте о ненападении [12, р. 112]. 10 мая из Ватикана пришло новое сообщение, в котором упоминалась Польша как будущая жертва сделки между Гитлером и Сталиным [12, р. 160]. Наконец, 17 мая в Форин-офис поступила информация от английской агентуры в германском генеральном штабе: «Гитлер ведет переговоры с Россией через генерала Сыровы (в прошлом председатель правительства и министр обороны Чехословакии. – А.И.). Он стремится к замирению и союзу с Россией». В качестве платы за такой союз Гитлер согласен на раздел Польши и готов оказать поддержку (включая и военную) СССР в возвращении Бессарабии и установлении контроля России над Босфором и Дарданеллами. Более того, Германия готова «оказать военную помощь России в случае ее вторжения в Индию». Далее указывалось, что Гитлер рассматривает союз с Россией как необходимую предпосылку для нанесения удара по Британской империи. «Захват Польши, Румынии и Балкан – это предварительная работа. После этого вся германская мощь будет развернута против Запада. Германский генеральный штаб спешно разрабатывает планы войны против Бельгии, Голландии и Дании (помимо планов против Польши и Румынии)». В заключение отмечалось, что Сталин отнесся к данным предложениям «довольно сдержанно» [12, р. 45-46].

Разумеется, далеко не вся подобная информация принималась в Лондоне за чистую монету, тем более что многие в Форин-офис полагали, что, пока Гитлер и Сталин остаются у власти, диалог между ними практически невозможен. Так, А. Киркпатрик подверг сомнению досто-

верность доклада от 17 мая, тогда как Гендерсон в донесении от 18 мая подчеркнул: «У меня мало сомнений в том, что немцы делают все возможное для обеспечения нейтралитета Советской России» [12, р. 45, 84]. Ситуация, таким образом, выглядела запутанной и серьезной; не случайно главный дипломатический советник английского правительства Р. Ванситтарт (один из наиболее опытных и хорошо информированных дипломатов) отметил, что, если СССР предпочтет политику изоляционизма, «она послужит прелюдией к нечто гораздо худшему» [16, р. 15].

В Берлине отставку Литвинова восприняли совершенно иначе, чем в столицах западных держав. Вот что заявил заместитель директора отдела печати МИД Германии Б. фон Штумм представителю ТАСС И.Ф. Филиппову: «Уход Литвинова, пользующегося репутацией главного вдохновителя международных комбинаций, направленных против Германии, сможет благоприятно отразиться на советско-германских отношениях» [17, л. 13].

Отставка Литвинова негативно повлияла на ход англо-франко-советских переговоров, хотя внешне все обстояло, казалось бы, благополучно: предложения СССР, датированные маем 1939 г., ничем не отличались от «литвиновских» от 17 апреля [18, с. 395]. И все же взаимная подозрительность усилилась, на какие-то уступки стороны не соглашались. Вот что, в частности, заявил Чемберлен членам правительства 5 мая: «Было бы неверным брать на себя какие-либо твердые обязательства в настоящий момент, когда мы точно не знаем, означает ли отставка Литвинова смену советского внешнеполитического курса». Он выразил сомнение в приемлемости предложения Москвы не заключать сепаратный мир с агрессором, поскольку «могут возникнуть непредвиденные обстоятельства» [13, р. 204, 206]. В Лондоне не отказались от идеи возобновления диалога с Берлином, тем более что руководство рейха, как сообщили из английского посольства в Германии 23 апреля, проявляло к этому готовность: Гитлер якобы предложил, чтобы кто-нибудь из влиятельных членов кабинета Чемберлена, свободно владеющий немецким языком, прибыл к нему для конфиденциальной беседы [19, р. 99]. По мнению английского правительства, необходимо было выиграть время, выждать более благоприятный момент для установления англо-германских контактов.

Что касается Сталина, то его не устраивала ситуация тревожного выжидания и неопределенности на переговорах с Англией и Францией. СССР не имел союзников, а его западные соседи – Прибалтийские страны, Румыния и Польша – не желали сотрудничать с ним. Сталину, как и Гитлеру, нужно было так или иначе определиться, однако без получения твердых гарантий со стороны Германии и учета интересов СССР Сталин не рискнул бы торпедировать переговоры с западными державами. Но контакты с немцами только налаживались, и по-прежнему неясными и нерешенными оставались политические вопросы. И Гитлер, и Сталин проявляли сдержанность и как бы присматривались друг к другу. Вот что писал временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов Молотову 6 мая: «Что же касается немцев, то, не скрывая своего интереса к происшедшей перемене (в НКВД СССР. – А.И.) и пытаясь преимущественно путем подбора цитат из англо-французских газет и корреспонденций из Лондона и Парижа создать впечатление о вероятности поворота нашей политики в желанном для них смысле (отход от коллективной безопасности и т.п.), они, за единичными исключениями, воздерживаются от непосредственной оценки и предпочитают ограничиваться изложением фактических данных (подчас вымышленных), подаваемых, однако, в достаточно корректной форме», но это не дает «оснований для каких-либо далеко идущих выводов» [17, л. 21-22].

Сталин не желал рисковать и ставить под удар переговоры с Англией и Францией, не заручившись твердым согласием Гитлера на соглашение с ним. Тот же Астахов в беседе с заведующим восточноевропейской референтурой экономико-политического отдела МИД Германии Ю. Шнурре 13 мая отметил: «Признавая изменение тона прессы в лучшую сторону, мы все же не имеем данных говорить о коренном изменении германской политики» [17, л. 30]. С точки зрения Сталина, слишком опасной выглядела перспектива оказаться в изоляции, и к тому же возможности соглашения с Западом еще не были исчерпаны, хотя первоначальные иллюзии заключить его на условиях Москвы к тому времени развеялись.

Документы свидетельствуют, что некоторые из этих условий были некорректными. Так, Польша и Румыния не собирались сотрудничать с СССР, поэтому предложение советского правительства включить их в проект широкого соглашения о взаимопомощи выглядело бесперспективным. Вот что сообщил в этой связи английский посол в Польше Г. Кеннард в телеграмме в Форин-офис от 19 апреля 1939 г.: «Польша опасается, что, если СССР станет полноправным участником коалиции совместно с Англией и Францией, ценность и значимость Польши уменьшится в наших (т.е. англичан. – А.И.) глазах» [3, с. 82]. К тому же советско-польские отношения несли на себе тяжелый отпечаток прошлого и внутренне оставались напряженными. Что касается Румынии, то ее позицию озвучил министр иностранных дел этой страны Г. Гафенку во время визита в Лондон 24 апреля: «Я не доверяю советскому правительству, поскольку их цель

– мировая революция. Я полностью согласен с вашей (правительства Чемберлена. – А.И.) линией» [11, р. 193]. Прибалтийские страны – Латвия, Финляндия и Эстония (Литва не имела общей границы с СССР и не фигурировала в проекте соглашения) – также не были настроены в пользу сотрудничества с Советским Союзом. Так, министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер заявил 9 мая, что «советская военная машина может функционировать только в обороне» и его страна не примет гарантию от России [12, р. 37]. Примерно в таком же духе высказался и руководитель Финляндии маршал К. Маннергейм [20, р. 114]. Наконец, Латвия не желала не только тесно сотрудничать с СССР, но и углублять свои связи с Англией и Францией из-за опасений вызвать раздражение у Гитлера. 7 июня 1939 г. Латвия и Эстония заключили пакты о ненападении с Германией, что еще больше осложнило ситуацию на тройственных переговорах. Интересным представляется комментарий первого секретаря посольства Латвии в Германии Игенбергса, который был изложен Астахову в связи с подписанием пакта: «На сторону Англии и Франции Латвия становиться не хочет, так как ничего хорошего от них не видела и поскольку дача согласия на гарантию от этих стран являлась бы в данной обстановке переходом на сторону антигерманской коалиции» [17, л. 81].

Итак, переговоры с Англией и Францией для Сталина постепенно теряли смысл, тем более что западные державы отказывались гарантировать Прибалтийские страны, считая это слишком большой ценой за сомнительную помощь со стороны России [21, с. 173]. К тому же Великобритания и Франция стремились увязать предоставление взаимной помощи от агрессии с Уставом малоэффективной, потерявшей былое влияние Лиги Наций. Громоздкость структуры Лиги и запутанность процедуры принятия ею решений грозили сделать оказание помощи жертве агрессии трудно осуществимым.

Суть разногласий участников переговоров по вопросу о Прибалтике раскрывает протокол заседания английского кабинета от 9 июня 1939 г. К тому времени советское правительство пошло на уступки западным державам: 2 июня оно предложило несколько модифицировать проект соглашения. В соответствии с пожеланиями Англии и Франции СССР выразил готовность распространить свою помощь на Бельгию, Грецию и Турцию, которым правительства Чемберлена и Даладье уже предоставили гарантии независимости. Когда был поставлен вопрос об оказании поддержки Голландии и Швейцарии, СССР согласился и на это.

На заседании кабинета 9 июня лорд Галифакс отметил «наличие серьезного недоверия к большевистским гарантиям и обязательствам», поскольку советское правительство «будет руководствоваться только своими соображениями». Он подверг сомнению целесообразность распространения английских обязательств на Прибалтику: «Если мы включим Голландию (в проект соглашения. – А.И.), то будем вынуждены заплатить слишком высокую цену за одновременное включение Прибалтийских государств. Германия скорее всего будет в обороне на Западе и в наступлении на Востоке. Голландия вряд ли станет первой жертвой (агрессии. – А.И.), и это не оправдывает той большой цены, которую нам придется заплатить за помощь России». Подобного же мнения придерживался и Чемберлен: «Я не думаю, что Россия может позволить себе прекратить переговоры, следовательно, нам нужно занять достаточно жесткую линию». Он отметил, что США поддерживают английское правительство в данном вопросе [22, р. 41-42, 50]. 15 июня Англия и Франция сообщили советскому правительству свои замечания по его последнему проекту. Их позиция в целом оставалась прежней, за исключением пункта соглашения, связанного с Лигой Наций. Не отказываясь от применения ее Устава, западные державы уточнили, что для оказания взаимной поддержки, а также помощи странам, получившим гарантийные обязательства, «не нужно ожидать действий со стороны Лиги Наций» [23, с. 31]. Таким образом, Прибалтийские страны вновь исключались из схемы договора.

В вопросе о Прибалтике правительство Чемберлена (Франция поддерживала все инициативы Великобритании) проявляло твердость и не собиралось пока уступать СССР. В Москве такое поведение вызывало подозрения в искренности намерений партнеров по переговорам. Не имевшая гарантий Прибалтика могла стать плацдармом для Германии в осуществлении «дранг нах Остен» – похода на Восток. Отсюда заинтересованность СССР в обеспечении своих границ со стороны Латвии, Эстонии и Финляндии. С последней Сталин попытался урегулировать вопрос о границе: в марте 1939 г. в Хельсинки прибыл хорошо знакомый с Финляндией Б.Е. Штейн (бывший там полпредом в 1932–1934 гг.). В ходе переговоров с финскими руководителями, в частности министром иностранных дел Е. Эркко, он довел до их сведения предложение Москвы: «Финляндия уступает СССР ряд островов в Финском заливе (всего 4), а равно соглашается на передвижку советско-финской границы на Карельском перешейке... В обмен на это СССР уступает Финляндии в советской Карелии территорию, превышающую по размерам территорию, уступаемую Финляндией». Эркко не решился на категорический отказ, но и не дал согласия на эти предложения. Переговоры продолжались с 11 по 18 марта без особых шансов на успех. Когда же Германия захватила Чехословакию, то они и вовсе зашли в тупик. По мне-

нию Штейна, эта акция «произвела большое впечатление и, несомненно, способствовала усилению прогитлеровских элементов в стране». В начале апреля полпред выехал в Москву, но на прощание многозначительно заявил Эркко, что его правительство, отклоняя советские предложения, «делает несомненную ошибку и упускает возможность создать базу дружеских и добрососедских отношений с СССР» [24, л. 47, 49, 53].

Не только Финляндия, но также в той или иной степени Латвия и Эстония испытывали глубокое недоверие к режиму Сталина и не собирались сотрудничать с ним, включая вопрос о получении советской помощи. Английский посол в Хельсинки Т. Сноу сообщил в Форин-офис 20 июня, что маршал К. Маннергейм, хотя и одобряет англо-франко-советские переговоры, выступает против русской гарантии Финляндии. Несколько позже из Таллинна поступила аналогичная информация о позиции Эстонии, которую в Форин-офис прокомментировали следующим образом: «Мы можем надеяться только на то, что Прибалтийские страны смирятся со свершившимся фактом» [20, р. 114, 119, 120] (т.е. с тройственными гарантиями их независимости. – А.И.).

В начале июля 1939 г. участникам тройственных переговоров все же удалось договориться о предоставлении гарантий Прибалтийским странам, но лишь в случае прямой агрессии против них. Тут же разгорелись споры вокруг определения «косвенная агрессия», которое каждая из сторон трактовала по-своему. Договориться им так и не удалось.

Таким образом, ход тройственных переговоров продемонстрировал нежелание сторон соглашаться на разумный компромисс с целью пресечения разрастающейся фашистской агрессии. В большей степени оно было присуще Великобритании, которая с упорством, достойным лучшего применения, стремилась навязать СССР свою схему договора о взаимопомощи. Первоначальный вариант не обеспечивал должной безопасности Союза; более того, его реализация при определенных условиях могла привести к столкновению СССР с Германией без получения взаимной помощи от Англии и Франции. С точки зрения англичан (французы были солидарны с ними практически по всем вопросам), важен был сам ход переговоров, в противном случае возможности советско-германского сближения неизмеримо усиливались.

Одной из причин неудачи переговоров явилось нежелание английского (в меньшей степени французского) правительства связывать себе руки твердыми обязательствами. В Лондоне не отказались от идеи умиротворения агрессоров, хотя возможности для этого были несравненно меньшими, чем во время Мюнхена. Уже 3 мая 1939 г. на заседании кабинета обсуждался вопрос о желательности возобновления контактов с Германией. Чемберлен и лорд Галифакс выразили уверенность в том, что Гитлер интересуется прежде всего Восточной Европой, поэтому Англия при известных обстоятельствах может уклониться от гарантии Польше. Гарантия, подчеркнул министр иностранных дел, предоставлена только на случай, если «независимость Польши окажется под открытой угрозой», и это дает правительству возможность решать вопрос о помощи Польше по собственному усмотрению [11, с. 258].

О том, что в Лондоне (да и в Париже) не было покончено с политикой умиротворения, свидетельствуют архивные материалы Форин-офис. Так, на заседании английского кабинета 24 мая 1939 г. было высказано мнение, что «когда мы усилим наши позиции посредством заключения соглашения с российским правительством, мы должны выступить с инициативой о возобновлении политики умиротворения». Таким образом, «у нас появится возможность договариваться (с Германией. – А.И.) с позиции силы, и скорее всего Германия прислушается к нам». Инициаторы этого предложения лорд Галифакс и министр по делам доминионов Т. Инскип считали, что для успеха переговоров с немцами необходимо заверить их в том, что Англия не собирается осуществлять экономическую блокаду Германии и готова обсуждать с ней «в любое время любые вопросы». Чемберлен не отверг этого в принципе, но заметил, что момент для принятия данного предложения «еще не созрел. Необходимо не только оставаться сильным, но добиться того, чтобы другие осознали этот факт. К тому же общественное мнение ... еще не готово для такого поворота» [25, р. 134-135].

Между тем, обстановка в Европе неудержимо ухудшалась, в столицы европейских стран все чаще поступала информация о военных приготовлениях в Германии. Так, 31 мая в Лондон из Берлина поступило сообщение о том, что Германия будет полностью готова к войне к 1 августа 1939 г. и что Данциг не имеет никакого отношения к ее истинным намерениям [25, р. 155]. Через месяц также из Берлина была получена информация, что Гитлер «твердо решил начать войну этой осенью. Он убежден в слабости Британской империи; его главная цель – ни Данциг, ни коридор (данцигский. – А.И.), а "разрушение Британской империи"» [25, р. 62]. Вот что в этой связи отмечает Р. Эванс: «23 мая 1939 года Гитлер сообщил руководителям вермахта, что «Англия является нашим врагом и война с ней – это вопрос жизни и смерти» [6, с. 747]. Таким образом, Гитлер, делая ставку на скоротечную войну против Польши, стремился не допустить ее перерастания в общеевропейскую войну. Что касается задачи уничтожения Британии и ее империи, то она была рассчитана на перспективу. Германия тогда еще не обладала необходи-

мыми ресурсами и возможностями, и ей следовало прежде утвердить свое господство в Европе и лишить Англию ее союзников.

Некоторые историки считают, что в условиях стремительно надвигавшейся войны последним шансом спасти мир могли стать переговоры военных миссий Великобритании, Франции и СССР в Москве в августе 1939 г. [26, с. 22]. Могли, но не стали. Ответы на неизбежно возникающие в этой связи вопросы позволяют дать архивные документы.

На наш взгляд, московские переговоры были бесперспективными с самого начала. Отсутствие политического соглашения крайне затрудняло подписание военной конвенции, и переговоры едва начавшись, уже вскоре закончились. Это подтверждают и британские архивные документы. Так, на заседании английского кабинета 26 июля 1939 г. министры отметили, что «на военных переговорах с советским правительством возникнут трудности из-за отсутствия политического соглашения». В этой связи было бы «крайне нежелательно передавать конфиденциальную информацию советскому правительству». Общее мнение членов кабинета свелось к тому, что «необходимо проинструктировать наших представителей (на переговорах с СССР. – А.И.) вести переговоры очень медленно, прежде чем будет подписано политическое соглашение» и постараться выяснить «какую помощь русские могут оказать Польше» [27, с. 307].

Правительства западных держав согласились отправить свои миссии в Москву (они предпочитали ей Лондон или Париж) под давлением той неопределенной ситуации, которая сложилась летом 1939 г. Важно было не допустить нормализации советско-германских отношений, и это соображение перевешивало антипатию руководителей Англии и Франции к России и русским. Вот что, например, заявил Чемберлен на заседании внешнеполитического комитета 10 июля: «В случае отказа (от советского предложения о проведении штабных переговоров. – А.И.) правительство столкнется с бесчисленными трудностями, хотя лично мне оно совершенно не нравится». Чемберлена поддержал министр иностранных дел лорд Галифакс: «Когда начнутся военные переговоры, большого прогресса не будет. Переговоры будут тянуться бесконечно долго, и в конце концов каждая из сторон согласится принять обязательство общего характера. В таком случае мы выиграем время и к своей выгоде используем ту ситуацию, из которой сейчас нет выхода». Министр по координации обороны лорд Чэтфилд заметил: «Заключение военного соглашения с Россией может оказаться очень трудным делом. До сих пор мы не имели подобного соглашения с какой-либо страной, и крайне важно просчитать все возможные варианты действий на море, на суше и в воздухе, на которые мы и французы можем согласиться» [27, с. 308]. О позиции Франции Галифакс сказал следующее: «Французское правительство считает, что военные переговоры будут тянуться очень долго и в случае неудачи ни о каком политическом соглашении не может быть и речи». И далее: «До тех пор пока будут продолжаться военные переговоры, мы предотвратим сближение между Советской Россией и Германией» [28, р. 152].

Итак, западные державы стремились не допустить нормализации советско-германских отношений и выиграть время. Но тогда время работало не на Англию и Францию, а на Германию. Приготовления Германии к нападению на Польшу вступили в свою завершающую стадию. Расчет официальных кругов Лондона и Парижа на затягивание московских переговоров до осенней распутицы или даже до зимы с тем, чтобы задержать начало войны, имел под собой зыбкую почву. Гитлер не раз рисковал в ситуациях, гораздо менее благоприятных для Третьего рейха, и его выступление на Восток мог остановить только внушительный по своей мощи коллективный фронт миролюбивых держав при участии в нем Великобритании, Франции и СССР. Возможности же образования такого фронта были упущены еще в период политических переговоров между Лондоном, Парижем и Москвой. Да и Сталина не устраивала перспектива неопределенно-тревожного выжидания перед лицом агрессивных приготовлений Германии вблизи советских границ.

Что касается вариантов действий западных союзников, о которых упомянул лорд Чэтфилд, то они, судя по протоколам московских переговоров, весьма отдаленно напоминали предложения правительств, заинтересованных в недопущении нового витка фашистской агрессии. Скептицизм, тактика проволочек со стороны Великобритании (в меньшей степени Франции) вполне очевидны. Военные миссии, возглавлявшиеся адмиралом П. Драксом и генералом Ж. Думенком, отправились в Москву окружным путем – морем. Данный маршрут был принят французами под нажимом англичан – они опасались, что поездка делегаций двух стран транзитом через Германию вызовет у Гитлера раздражение [3, с. 100].

Накануне принятия окончательного решения между союзниками завязалась интересная дискуссия. 29 июля 1939 г. из английского посольства во Франции сообщили в Форин-офис, что начальник французского генерального штаба генерал М. Гамелен предложил, чтобы английская военная миссия прибыла в Париж не позднее 2 августа, откуда обе миссии отправились бы поездом в Москву. Руководитель французской военной миссии генерал Ж. Думенк согласил-

ся с этим предложением [29, р. 216]. Однако у англичан было, как всегда, свое особое мнение. Они предложили французам отправиться в Москву самолетом (тем это не понравилось), тогда появился вариант с крейсером. 31 июля английский посол в Берлине Н. Гендерсон сообщил в Форин-офис, что поездка миссий через Германию (будь то самолетом или поездом) явится «провокационным жестом, способным вызвать крайне нежелательные последствия или конфликт». На его взгляд, следовало «избегать транзитного маршрута через Германию» [29, р. 217, 226]. В результате оказанного англичанами нажима на французов и был принят обходной маршрут – морем (причем на английском гражданском пароходе опять же, чтобы не раздражать Гитлера) через Балтийское море в Ленинград, а затем поездом в Москву. Это затянуло начало переговоров и вызвало подозрительную реакцию в Кремле относительно искренности намерений правительств Великобритании и Франции.

Западные миссии были снабжены инструкциями, содержание которых не позволяло надеяться на быстрое и успешное завершение переговоров. Так, британской делегации предписывалось «вести переговоры очень медленно; к русским относиться сдержанно» и не передавать им никакой конфиденциальной информации, поскольку отсутствует политическое соглашение; воздерживаться от обсуждения вопросов совместной стратегии на Западе и в Средиземном море и т.д. «Английскому правительству, – подчеркивалось в инструкции, – представляется нежелательным брать на себя какое-либо определенное обязательство, могущее связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться в военном соглашении возможно более общими формулировками. Что-нибудь вроде согласованной декларации о политике могло бы соответствовать этому ... Если русские предложат, чтобы английское и французское правительства обратились к Польше, Румынии или Прибалтийским государствам с предложениями, влекущими за собой сотрудничество с советским правительством или Генеральным штабом, делегация не должна брать на себя каких-либо обязательств, а обращаться в Лондон. Делегация не должна обсуждать вопроса об обороне Прибалтийских государств, так как ни Великобритания, ни Франция не гарантировали безопасность этих стран». И хотя в инструкции предписывалось «убедить русских в необходимости поставить Германию перед угрозой войны на два фронта, с тем чтобы нанести поражение Германии», а также заручиться их согласием оказать помощь Польше и Румынии [30, р. 763-764], содержащиеся в ней ограничения и запреты делали реализацию такого предприятия в высшей степени сомнительной. Но главное заключалось даже не в этом – отсутствовала предварительно согласованная база для переговоров, не было доверия сторон друг к другу, что и проявилось в ходе дискуссий в Москве.

На неудачный исход московских переговоров, несомненно, повлияло нежелание Польши и Румынии пропускать советские войска через свою территорию. Позиция этих стран в вопросе о сотрудничестве с СССР оставалась прежней; к тому же сказался скептицизм польского министра иностранных дел Ю. Бека относительно тройственных переговоров и недооценка им вероятности сближения Германии с СССР. Вот что он заявил английскому генералу А. Картон де Уирту в Варшаве 1 августа 1939 г.: «Критический период наступит в последнюю неделю августа и в первой половине сентября». Бек не верил в успех переговоров Англии и Франции с Россией, а на вопрос генерала о возможности соглашения между Германией и СССР заявил следующее: «Скорее всего такое соглашение не состоится, но в том случае если Германия будет находиться в состоянии войны и окажется на грани поражения и немцы обратятся за помощью к России, то такая помощь последует» [31, р. 6-7].

Один из наиболее спорных вопросов кануна Второй мировой войны – советско-германский пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол к пакту от 23 августа 1939 г. На Западе широко распространенной является версия о преднамеренных действиях Сталина, который использовал тройственные переговоры как ширму для прикрытия давно уже задуманного сговора с Гитлером. Однако такая оценка не подкрепляется фактами, а они свидетельствуют о том, что советско-германское сближение стало реальным только в середине августа 1939 г., когда были согласованы сложные политические вопросы. Нарком В.М. Молотов в беседе с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 17 августа подчеркнул, что «прежде чем начать переговоры об улучшении политических взаимоотношений, надо завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении. Это будет первым шагом, который надо сделать на пути улучшения взаимоотношений. Вторым шагом будет являться либо подтверждение договора 1926 г. (договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией от 24 апреля 1926 г. – А.И.)... или заключение договора о ненападении плюс протокол по вопросам внешней политики, в которых заинтересованы договаривающиеся стороны» [14, с. 609-610]. Р. Эванс в этой связи отмечает: «В начале августа 1939 года Риббентроп и Вайцеккер (статс-секретарь германского МИДа. – А.И.) с одобрения Гитлера подготовили планы совместного раздела Польши с Советским Союзом. Но Сталин все еще колебался. Однако наконец 21 августа он со-

гласился со все более настойчивыми запросами Гитлера о подписании официального пакта» [6, с. 750].

Советско-германский пакт о ненападении подвел финишную черту под политикой коллективной безопасности. По-своему лицемерным являлось заявление Молотова о том, что «некоторое время спустя, например, через неделю, переговоры с Францией и Англией могли быть продолжены» [32, с. 386]. Через неделю Европа уже погружалась в хаос войны, а правительства западных держав поспешно и лихорадочно изыскивали подходящие варианты урегулирования польского вопроса.

Разграничение сфер интересов Германии и СССР по секретному протоколу к пакту было наглядным подтверждением краха курса на обуздание агрессоров и может рассматриваться как циничная сделка двух диктаторов. С тех пор вплоть до 22 июня 1941 г. Сталин осуществлял собственную политику умиротворения нацистской Германии.

Советско-германский пакт о ненападении явился сюрпризом для западной общественности, тогда как правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье были подготовлены к нему.

Так, 22 августа 1939 г. Форин-офис телеграфировал послу Г. Кеннарду в Варшаву, что «британской прессе было дано указание ... относиться к советско-германскому пакту о ненападении со спокойствием и сдержанностью» [33, р. 149]. В тот же день из английского посольства в Париже в Лондон пришло сообщение, что министр иностранных дел Франции Ж. Бонне «не удивлен подписанием ... пакта, так как не раз проявлялись признаки ненадежности России» [33, р. 207]. Интересным представляется высказывание начальника французского генерального штаба М. Гамелена: «Если бы поляки согласились на поддержку России, русско-германский пакт не был бы подписан» [33, р. 183].

Итак, Сталин сделал окончательный выбор. Он стремился избежать вовлечения СССР в войну во что бы то ни стало, и в этом смысле его выбор может показаться вполне логичным. Однако считать пакт Молотова–Риббентропа абсолютно безальтернативным решением было бы неправильным. Нельзя забывать того, что Сталин своей политикой массовых чисток и репрессий в Красной Армии, которые значительно подорвали ее потенциал, созданием системы безграничного единовластия загнал СССР в угол задолго до подписания пакта. В краткосрочном плане пакт с Германией позволил СССР избежать вовлечения во Вторую мировую войну в 1939 г., но в долгосрочной перспективе он обернулся страшной трагедией для советского народа в 1941 г.

Как до, так и после подписания советско-германского пакта в Лондон и Париж поступала информация от разных источников о наличии секретного протокола к пакту. Так, 23 августа 1939 г. из Вашингтона от английского посла Р. Линдсея в Лондон поступила информация о том, что немцы и русские помимо всего прочего договорились о поддержании статус-кво в Прибалтийских странах; кроме того, германское правительство взяло на себя обязательство оказывать сдерживающее влияние на Японию [34, р. 72]. 27 августа английский посол в Турции Г. Натчбулл-Хьюгессен со ссылкой на турецкого министра иностранных дел Ш. Сараджоглу передал в Форин-офис, что в советско-германском договоре имеются статьи о разделе Восточной и Юго-Восточной Европы между СССР и Германией. В договоре также зафиксировано, что черноморские проливы Босфор и Дарданеллы по-прежнему контролируются Турцией [35, р. 161]. Наконец, 30 августа в Лондон поступила информация от английского посланника в Литве Т. Престона со ссылкой на окружение Риббентропа о том, что Германия и Россия помимо пакта о ненападении подписали секретное соглашение, в котором речь идет о разделе Польши [36, р. 305]. Впрочем, в Лондоне не принимали эту и подобную ей информацию за чистую монету, поскольку она была слишком противоречивой. Не случайно главный дипломатический советник английского правительства Р. Ванситтарт в меморандуме от 23 августа настаивал, чтобы Великобритания потребовала от СССР отчета по пакту с Германией [27, с. 330]. Конечно же, правительство Чемберлена на это не пошло.

Уроки 1939 г. имеют непреходящую ценность и актуальны в наше тревожное и непредсказуемое время. Всеобщая безопасность может быть обеспечена только посредством коллективных усилий заинтересованных стран и народов при активном участии в этом процессе авторитетных международных организаций, таких как ООН, ОБСЕ и др. Борьба с терроризмом давно уже вышла на передний план, и она требует максимально скоординированных усилий правительств и стран – реальных и потенциальных партнеров и союзников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Public Record office (Государственный архив Великобритании). FO 371/22958 (далее – PRO).
2. PRO. FO 371/22968.
3. Иванов А.Г. Европейский кризис 1939 года и начало Второй мировой войны. – М., 2013.

4. The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. Ed. by W.J. Mommsen and L. Kettenacker. – L., 1983; *Douglas R.* World Crisis and British Decline, 1929-56. – L., 1986.
5. PRO. FO 371/22969.
6. *Эванс Р.* Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939. – М., 2012.
7. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Third Ser. – L., 1951. Vol. IV (далее – DBFP).
8. *Парсаданова В.С.* Трагедия Польши в 1939 г. // Новая и новейшая история. – 1989. – № 5.
9. Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. – М., 1990. Т. I.
10. PRO. FO 371/22971.
11. PRO. FO 371/23064; *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. – М., 1989.
12. PRO. FO 371/22972.
13. PRO. FO 371/23065.
14. Документы внешней политики. 1939 год. – М., 1992. Т. XXII. Кн. 1.
15. *Бережков В.* Рядом со Сталиным. – М., 1998.
16. PRO. FO 371/23685.
17. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. Д. 66. П. 7 (далее – АВП РФ).
18. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. – М., 1971.
19. PRO. FO 371/22970.
20. PRO. FO 371/23069.
21. *Иванов А.Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. – М., 1993.
22. PRO. FO 371/23068.
23. Год кризиса 1938–1939. ... Т. II.
24. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Д. 190. П. 18.
25. PRO. FO 371/22973.
26. *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. – М., 1992.
27. *Иванов А.Г.* Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. – М., 2014.
28. PRO. FO 371/23070.
29. PRO. FO 371/23071.
30. DBFP. L., 1953. Third Ser. Vol. VI.
31. PRO. FO 371/22975.
32. История внешней политики СССР 1917–1985. – М., 1986. Т. I.
33. PRO. FO 371/22976.
34. PRO. FO 371/22977.
35. PRO. FO 371/22978.
36. PRO. FO 371/22980.

REFERENCES

1. Public Record office (Gosudarstvennyj arhiv Velikobritanii). FO 371/22958 (later on – PRO).
2. PRO. FO 371/22968.
3. *Ivanov A.G.* The European crisis of 1939 and the beginning of the Second World War. [Evropejskij krizis 1939 goda i nachalo Vtoroj mirovoj vojny]. Moscow, 2013. (in Russ.).
4. The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. Ed. by W.J. Mommsen and L. Kettenacker. L., 1983; *Douglas R.* World Crisis and British Decline, 1929-56. Leningrad, 1986.
5. PRO. FO 371/22969.
6. *Evans R.* The Third Reich in Power: 1933–1939. [Tretij rejh. Dni triumfa: 1933–1939]. M., 2012. (transl. from English).
7. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Third Ser. Leningrad, 1951. Vol. IV (later on – DBFP).
8. *Parsadanova V.S.* The Tragedy of Poland in 1939. [Tragediya Pol'shi v 1939 g.]. Modern and Contemporary History. [Novaya i novejschaya istoriya]. 1989. № 5. (in Russ.).
9. The Year of Crisis 1938–1939. Documents and materials. [God krizisa 1938–1939. Dokumenty i materialy]. Moscow, 1990. Vol. I. (in Russ.).
10. PRO. FO 371/22971.
11. PRO. FO 371/23064; *Sipols V.YA.* Diplomatic Battles before the Second World War. [Diplomaticheskaya bor'ba nakanune vtoroj mirovoj vojny]. Moscow, 1989. (in Russ.).
12. PRO. FO 371/22972.
13. PRO. FO 371/23065.
14. Documents of Foreign Policy. 1939. [Dokumenty vneshnej politiki. 1939 god]. Moscow, 1992. Vol. XXII. B. 1. (in Russ.).
15. *Berezhkov V.* Beside Stalin. [Ryadom so Staliny]. Moscow, 1998. (in Russ.).
16. PRO. FO 371/23685.
17. Archive of the Foreign Policy of Russian Federation. [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii]. F. 06. L. 1. Col. 66. File. 7. (later on – AFP RF). (in Russ.).
18. The USSR in the struggle for peace before the Second World War (September 1938 – August 1939). [SSSR v bor'be za mir nakanune vtoroj mirovoj vojny (sentyabr' 1938 g. – avgust 1939 g.). Dokumenty i materialy]. Moscow, 1971. (in Russ.).
19. PRO. FO 371/22970.
20. PRO. FO 371/23069.

21. *Ivanov A.G.* Aggressors and Appeasers. Hitler, Mussolini and British Diplomacy. [Agressory i umirotvoriteli. Gitler, Mussolini i britanskaya diplomatiya]. Moscow, 1993. (in Russ.).
22. PRO. FO 371/23068.
23. The Year of Crisis 1938–1939. Documents and materials. [God krizisa 1938–1939. Dokumenty i materialy]. Moscow, 1990. Vol. II. (in Russ.).
24. AFP RF. F. 06. L. 1. Col. 190. File. 18.
25. PRO. FO 371/22973.
26. *Semiryaga M.I.* Secrets of Stalin's diplomacy 1939–1941. [Tajny stalinskoj diplomatii 1939–1941]. Moscow, 1992. (in Russ.).
27. *Ivanov A.G.* Great Britain and the Third Reich before the Second World War. [Velikobritaniya i Tretij rejh nakanune Vtoroj mirovoj vojny]. Moscow, 2014. (in Russ.).
28. PRO. FO 371/23070.
29. PRO. FO 371/23071.
30. DBFP. L., 1953. Third Ser. Vol. VI.
31. PRO. FO 371/22975.
32. A History of Foreign Policy of the USSR 1917–1985. [Istoriya vneshnej politiki SSSR 1917–1985]. Moscow, 1986. Vol. I. (in Russ.).
33. PRO. FO 371/22976.
34. PRO. FO 371/22977.
35. PRO. FO 371/22978.
36. PRO. FO 371/22980.

Информация об авторе

Иванов Александр Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
ivanov@kubsu.ru

Получена: 19.04.2016

Для цитирования статьи: Иванов А.Г. В поисках союзников. СССР и западные державы в канун Второй Мировой войны. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2. Часть 2. с. 20-34.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-20-34

Information about the author

Ivanov Alexander G., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head, Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Kuban State University,

Krasnodar, Russia
ivanov@kubsu.ru

Received: 19.04.2016

For article citation: Ivanov A.G. In search of allies. the USSR and the Western powers on the eve of the Second World War. [V poiskakh soyuznikov. SSSR i zapadnye derzhavy v kanun Vtoroy Mirovoy vojny]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 2. Pp. 20-34.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-20-34